

Tartessos y sus problemas, Barcelona, 1969, 420 стр.

В легендарной традиции, относящейся к Дальнему Западу, Тартессу принадлежит то же место, которое в мифах, связанных с Малой Азией, занимает Троя или в критских преданиях Кносс. И, может быть, поэтому искателя Тартесса Адольфа Шультена не раз сравнивали со Шлиманом и Эвансом. От первого в нем была непоколебимая уверенность в достоверности античной традиции, увлеченность, граничащая с фанатизмом, от второго — широкая образованность, глубокие знания, прекрасная филологическая подготовка¹. Однако несмотря на удачное сочетание этих качеств Шультен не стал первооткрывателем древнейшего очага культуры в том смысле, в каком говорят о Шлимане для Трои, а об Эвансе — для Крита. А. Шультен открыл лишь проблему Тартесса². И со времени выхода его монографии эта проблема остается предметом исследований ученых многих стран и прежде всего Испании.

Начиная с 1960 г. проводятся международные симпозиумы, посвященные древнейшей истории Иберии. Рецензируемая книга представляет собой материалы V Международного симпозиума, состоявшегося в Барселоне в 1969 г.³

Содержание докладов показывает, сколь далеко вперед ушла наука со времени выхода монографии А. Шультена даже в ее последнем издании⁴. Интересы Шультена сосредоточивались в основном вокруг вопросов о локализации Тартесса и происхождении тартессиев. Теперь поднят ряд других проблем, решаемых преимущественно на археологическом материале⁵. Более половины из 30 статей сборника представляют собой интерпретацию археологических данных, добы-

тых в результате раскопок последних 15 лет.

Археология не подтвердила гипотезу А. Шультена о создании культуры Тартесса выходцами из Малой Азии — тирсенами. Выявлена древняя культура, занимающая значительные прибрежные и внутренние районы Южной и Юго-Западной Испании.

Распространению памятников этой древней культуры посвящена статья А. Муñос «Пратартессийская цивилизация Андалузии эпохи бронзы»⁶. Продолжая исследование М. Гомес-Морено⁷, А. Муñос стремится использовать археологические данные для воссоздания общей картины социально-экономического развития населения Иберии начиная со второй половины III тыс. до н. э. К этому времени относится появление больших мегалитических сооружений, связанное с внедрением нового восточносредиземноморского погребального обряда. Он характеризуется, по мнению А. М. Муñос, коллективными семейными захоронениями и требует больших погребальных сооружений⁸. Современный уровень ведения археологических раскопок позволяет выделить три типа погребальных памятников. Наиболее древен тип круглой камеры, сопровождаемой дромосом. По многочисленным параллелям с Восточным Средиземноморьем он назван «tholos». Его широкое распространение в зонах металлургического производства помогает установлению хронологии древнейших восточносредиземноморских колонизаций металлургов, направленных на эксплуатацию месторождений серебра, меди, золота, а впоследствии олова⁹. Известно, что древнейшие толосы Восточного Средиземноморья датируются 2500—2200 гг. до н. э.¹⁰ Содержимое же тартессийских погребений (вотивные топоры, крестообразные идолы) позволяет отнести их к 2400—2000 гг. до н. э.¹¹

¹ A. García y Bellido. Adolf Schulten, *AEArg*, 3, 1960, стр. 222—229. В этой же статье указаны все биографические работы, посвященные А. Шультену.

² I. Maluquer de Motes, *Nuevas orientaciones en el problema de Tartessos*, «Primer Symposium de Prehistoria de la Península Ibérica», Pamplona, 1960, стр. 274.

³ «Tartessos y sus problemas. V Symposium Internacional de Prehistoria Peninsular», Barcelona, 1969. Пользуюсь случаем принести благодарность Президенту V Международного симпозиума, директору Археологического института в Барселоне Хуану Малукеру де Моресу за присланный экземпляр материалов симпозиума.

⁴ A. Schulten, *Tartessos*, Hamburg, 1950.

⁵ Maluquer de Motes, *Nuevas orientaciones...*, стр. 275.

⁶ Ana Ma Muñoz, *La civilización pretartésica andaluza durante la Edad del Bronce*, «Tartessos y sus problemas», стр. 33—47.

⁷ M. Gomez-Moreno, *Miscelaneas. Historia. Arte y Arqueología*, Madrid, 1949.

⁸ Muñoz, *La civilización pretartésica...*, стр. 33.

⁹ Там же, стр. 35.

¹⁰ J. I. Caskey, *Greece, Crete and the Aegean Islands in the Early Bronze Age*, SAN, vol. II, fasc. 24, 1965.

¹¹ Испанской науке известна в настоящее время их более точная датировка. Некрополь в Алмисараке был сооружен в 2200—2100 гг. до н. э. J. Melart, *Anatolia before c. 4000 B. C. and*

Этим временем испанские ученые датировают обусловленный влиянием колонистов переход местного населения от земледелия и пастушества к обработке металлов, который потребовал строительства укрепленных поселений. Они представляют собой группы домов круглой или овальной формы диаметром от двух до шести метров. Поселения в эту эпоху становятся центрами возникающего ремесленного производства, о нем свидетельствуют находки на их территории металлургических мастерских с инструментами, заготовками металла, остатками шлака¹². Наиболее ранние из ныне известных поселений располагались на территории Альмерии и Южной Португалии. Однако наивысшего расцвета металлургическое производство достигает в Центральной Андалузии, особенно в долинах Гвадалквивира и Гвадианы, всегда славившихся богатством металлов.

Реки, надо думать, служили для транспортировки руды к местам производства и для вывоза готовой продукции. Высокому уровню производства и характеру его специализации соответствовала степень социальной дифференциации общества данных территорий. Она, как резонно считает Ана М. Муньос, подтверждается большими мегалитическими сооружениями с длинными дромосами¹³. Они могли служить местами захоронения племенной верхушки, сосредоточившей в своих руках новые богатства. Объем труда, требовавшегося для сооружения огромных мегалитических построек, заставляет предполагать наличие тех или иных форм рабства.

Если археологические данные позволяют проследить возникновение и развитие металлургического производства, то сложнее решить вопрос о времени появления колоколообразной керамики, которую находят как в мегалитических постройках, так и в более ранних пещерных захоронениях и даже в простых ямах-могилах¹⁴. Считается беспспорным,

что эта керамика восходит ко второй половине энеолита (рубеж III—II тыс. до н. э.), когда были распространены орудия из меди и золотые украшения¹⁵. Трудно понять, почему в керамике не прослеживается прогресс, который испытывали другие отрасли производства. Это объясняли, в частности тем, что керамика в мегалитических постройках использовалась вторично¹⁶. Но, по-видимому, правильнее связывать отмеченное явление с консерватизмом, свойственным культуре предков. В обиходе могла использоваться керамика нового типа, а в погребениях следовали древним образцам. В пользу этого предположения говорят находки в мегалитических постройках крестообразных идолов, таких же, какие были свойственны энеолиту. Связи керамики с центрами ремесленного металлургического производства хорошо прослеживаются по ее широкому распространению не только на юго-востоке Иберийского полуострова и в Центральной Андалузии, но и на территориях, прилегающих к сухопутным торговым путям, которые соединяли Альмерию и Андалузию с внутренними зонами полуострова.

Культура колоколообразной керамики считается переходной от мегалитической к аргарской¹⁷. Открытие этой культуры принадлежит бельгийским инженерам братьям Анри и Луи Сире¹⁸. Уже в 1887 г. было ясно, что аргарская культура отражает не только технический прогресс металлургического производства, но и изменение образа жизни и погребального обряда. Жилища приобретают прямоугольную форму (иногда, впрочем, остаются овальными), и члениятся на многочисленные помещения, нередко с мегароном. Захоронения становятся индивидуальными. Умерших кладут в пифосы, корзины или просто в углубления в скале¹⁹. Богатство погребального инвентаря свидетельствует о ярко выраженной социальной дифференциации.

Столь разнообразные изменения, как отмечает Ана М. Муньос, поднимают вопрос об их обусловленности прибытием каких-то новых колонистов или внутренней эволюцией, стимулировавшейся

с. 2300—1750 В. С., САН, vol. II, fasc. 20, 1964, сар. 24, стр. 28 слл.; о н же, *The Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia*, Beirut, 1966. Время сооружения южнопортугальских некрополей, как показал радиоуглеродный анализ, — 2200—2000 гг. до н. э. Н. Schubart, *Neue radiokarbondaten zur Vor- und Frühgeschichte der Iberischen Halbinseln*, MM, 1965, 6, стр. 12—13; V. Leisner у O. Veiga Ferreira, *Primeiras datas de radiocarbono 14 para a cultura megalítica portuguesa*, «Revista de Guimarães», LXXIII, 1963.

¹² Muñoz, *La civilización pretartésica...*, стр. 36.

¹³ Там же, стр. 34.

¹⁴ A. del Castillo, *La cultura del vaso campaniforme*, Barcelona, 1928;

о н же, *El vaso campaniforme*, Madrid, 1954.

¹⁵ M. Pellicer, *El Neolítico y Bronce de la cueva de la Carigüela de Pinar (Granada)*, Madrid, 1964; Muñoz, *La civilización pretartésica...*, стр. 41—42.

¹⁶ Muñoz, *La civilización pretartésica...*, стр. 40.

¹⁷ Там же, стр. 42.

¹⁸ Henri y Louis Siret, *Les premiers âges du metal dans le S. E. de l'Espagne*, P., 1887.

¹⁹ J. de Carriazo, *La Edad del Bronce*, «Historia de España», Madrid, t. I, fasc. 1, 1959, стр. 781 слл.

контактами с внешним миром²⁰. Муньос, придерживаясь гипотезы миграционистов, использует аналогии захоронений подобного типа с критскими среднеминойского II периода²¹. Длинные мечи, считает автор, также свидетельствуют о контактах с восточносредиземноморским (в частности с анатолийским) миром в первой половине II тыс. до н. э., более тесных, чем простые торговые отношения. Однако на современном уровне археологических и лингвистических знаний большинство испанских ученых, памятуя о неудачном опыте А. Шультена, остерегается говорить на этот счет что-либо более определенное.

Наши знания уже теперь достаточны, чтобы говорить о распространении аргарской культуры по Иберийскому полуострову. Принято считать, что собственно аргарская культура характерна только для юго-востока полуострова (области Альмерия, Мурсия), а также Аликанте, Альбасете, Кордобы, Хаэна, Гренады и Малаги. Довольно многочисленны находки этой культуры в Севилье и Уэльве²². В более широком смысле (развитое металлургическое производство, гладкая керамика выгнутой книзу формы, захоронения в сосудах и корзинах) эта культура занимала иберийские территории от Хукара до Тахо, проникая даже на плоскогорье²³. Своего расцвета аргарская культура достигает к 1600 г. до н. э. В Португалии его относят к 1400 г. до н. э., а в отдельных зонах (некрополь Аталайа и Оурике) даже к X—VII вв. до н. э.²⁴

Особенно показательны выводы, сделанные немецким археологом В. Шюле на основании проводившихся им совместно с Х. Кабре и Х. Санчесом Месегером раскопок в Серро де ла Вирхен²⁵ и Серро Реаль (Гренада)²⁶. В культуре поселений, су-

ществовавших от III тыс. до н. э. до арабского нашествия, не замечается перерывов, вызванных какими-либо вторжениями. Уже в III тыс. до н. э. обитатели поселений строили большие круглые или овальные дома с куполами из сырцового кирпича. Жилища располагались в хаотическом порядке, без видимого деления на кварталы, что свидетельствует о росте поселка по мере увеличения его населения и о непланомерности застройки. Поселок был обнесен каменной стеной с башнями²⁷. Это показывает, что уже в III тыс. до н. э. родовой строй был пройденным этапом. Дальнейшее развитие имущественной и социальной дифференциации может быть изучено по материалам раскопок в Эль-Карамболо (Севилья), осуществляемым Х. М. Карриасо²⁸. Найденные в некрополе индивидуальные погребения с исключительно богатым инвентарем говорят о выделении общественного слоя, жившего войной и пользовавшегося трудом рабов или подневольного населения. Следуя местным традициям, тартессийские изделия из золота по уровню техники изготовления не уступают микенским находкам Шлимана. Находки в Эль-Карамболо подтвердили славу Тартесса как страны золота²⁹.

Уже на основании литературных источников поднимались вопросы о средиземноморских и атлантических связях Тартесса. Археология позволяет решать их на более широкой основе. Статья

Memorias 21, JSEA, 1918, Madrid, 1920; J. C a b r é, *Objetos exóticos de la necrópolis de Tutugi*, «Bulletin de la Sociedad Española», 28, 1920, стр. 226—255; 29, 1921, стр. 11—25; M. P e l l i c e r y W. S c h ü l e, *Ein Grab aus der iberischen Nekropole von Galera (Granada)*, MM, 1969, 4, стр. 38—50; W. S c h ü l e, *Excavaciones en la zona de Galera*, «VIII Congreso de Arqueología Nacional. Sevilla — Málaga 1963», Zaragoza, 1965; W. S c h ü l e, *Tartessos y el Hinterland*, «Tartessos...», стр. 15—33.

²⁷ Там же, стр. 22.

²⁸ J. de M. C a r r i a z o, *El cerro del Carambolo*, «Tartessos...», стр. 311—341. Первая публикация находок в Эль-Карамболо принадлежит Х. Малукеру — J. M a l u q u e r d e M o t e s, *El tesoro tartésico de El Carambolo*, «I Congreso Nacional de Arqueología. Actas y Memorias», Lisboa, 1959, стр. 293—300.

²⁹ Другое подтверждение дала молодая испанская подводная археология. В одном из устьев Гвадалквивира подняты корабль середины VIII в. до н. э. с богатейшими золотыми украшениями и изделиями из бронзы. См. M. A l m a g r o, *El hallazgo de la Ría de Huelva y el final de la Edad del Bronce en el occidente europeo*, «Ampurias», II Barcelona, 1940, стр. 85.

²⁰ M u ñ o z, *La civilización pretartésica...*, стр. 42—43.

²¹ Там же, стр. 44.

²² M. A l m a g r o, *Las estelas decoradas del Sudoeste peninsular*, Madrid, 1966, стр. 209; C a r r i a z o, *La Edad del Bronce*, стр. 783.

²³ A. A r r i b a s, *La Edad del Bronce en la Península Ibérica, Las Raíces de España*, Madrid, стр. 106.

²⁴ S c h u b a r t, *Neue radiokarbon-daten...*, стр. 14—15.

²⁵ S c h ü l e y P e l l i c e r, *El Cerro de la Virgen*; W. S c h ü l e, *El poblado antiguo del Bronce en el Cerro de la Virgen de Orce (Granada) y su acequia de regadío*, IX Congreso Nacional de Arqueología. Valladolid 1967 (Zaragoza, 1967), стр. 113—121; W. S c h ü l e, *Feldbewässerung in Alt-Europa*, MM, 8, 1967, стр. 79—99.

²⁶ J. C a b r é y F. de M o t e s, *La necrópolis ibérica de Tutugi, Granada*

английского ученого Х. Хаукса содержат интересные данные о раннем периоде этих связей³⁰. Исследователь относит их начало к последней четверти II тыс. до н. э., когда в континентальной Европе уже сложилась культура средней бронзы³¹. Он прослеживает распространение характерных для средней бронзы памятников в Северо-Западной Испании, объясняя это интересом обитателей Европы к рудным богатствам Испании. К первой четверти I тыс. до н. э. относят находимые в этом же районе длинные плоские мечи, обнаруживающие большое сходство не с мечами Юга Франции, а с оружием территории, прилегавшей к Британским островам³². На этом основании автор постулирует известную культурную общность населения больших территорий от Северо-Западной Испании до Бретани в эпоху расцвета тартессийского государства³³.

Культура Тартессиды развивалась также в тесном взаимодействии с культурами Восточного Средиземноморья. Особенно видная роль приписывается влиянию финикийской культуры. М. Таррадель, оставшая в стороне вопросы о начальном периоде колонизации, пока еще не поддающиеся разработке на археологическом материале, останавливается на колониационной деятельности финикийцев в VII—VI вв. до н. э.³⁴ Она охватывала не только юг Тартессиды, но и противоположное побережье Северной Африки, где из литературных источников известно о существовании колонии Ликса (перипл Ганнона). Раскопки Ликса по всей их зоне дают слон, с уверенностью датированные V, а в отдельных случаях VI в. до н. э. Худшая сохранность памятников Гадеса в результате их варварского уничтожения³⁵ заставляет автора пользоваться материалами Ликса для восстановления картины финикийской колонизации юга Тартессиды.

М. Таррадель выделяет в качестве основных элементов финикийской колонизации: 1) укрепленный город с городскими постройками и некрополем; 2) факторию — неукрепленное поселение, служившее эмпорием и причалом для кораб-

лей; 3) рынок³⁶. Наиболее полно исследована финикийская фактория «Лос Тосканос» (раскопки 1964 и 1967 гг.). Сотрудники западногерманского Археологического института в Мадриде Х. Шубарт и Г. Нимейер, обобщая материалы раскопок, приходят к выводу, что основание фактории может быть отнесено к середине VIII в. до н. э.³⁷ Кроме стен жилых помещений, были обнаружены многочисленные фрагменты финикийских амфор, изготовлявшихся на месте. Это говорит об экономическом прогрессе финикийских поселений в Западном Средиземноморье и их независимости от метрополий.

Население Тартессиды, которому было уже известно железо, широко пользовалось в обиходе бронзовыми сосудами, отличающимися редким разнообразием форм и красотой. Из бронзы изготовлялись также литые украшения и фигурки богов. Анализируя тартессийские изделия из бронзы, А. Гарсия-и-Беллидо поставил своей целью выявить их распространение по полуострову, уточнить датировку и характер ипоземных влияний³⁸. Особый интерес представляют сосуды, ручки которых сплетены из туловищ трех змей с расходящимися в верхней части головками. Очевидно, это отражает религиозные представления тартессиев, которым, как и населению Восточного Средиземноморья, была свойственна хтоническая религия и идея троичности божества.

Помещенная в сборнике статья М. Пеллисеры разрабатывает вопросы, связанные с местонахождением тартессийских керамических мастерских, техникой производства, орнаментацией, хронологией тартессийской керамики. Тартессийская зона распространения этой керамики включает территории Нижнего Гвадалквивира, Уэльвы и Южной Португалии. Эта зона была первой, которая подверглась наиболее древнему и сильному восточносредиземноморскому влиянию. Автор считает, что сирийские и кипрские мотивы в этой керамике преобладают над пунийскими, что дает подтверждение античной традиции об основании Гадеса выходцами из Восточного Средиземноморья в конце II тыс. до н. э.³⁹ В первые два столетия своего

³⁰ Ch. H a w k e s, Las relaciones atlánticas del mundo tartésico, «Tartessos...», стр. 185—199.

³¹ Там же, стр. 186.

³² J. Briard, Les Depots Bretons et l'age du Bronze Atlantique, Rennes, 1965, стр. 176—198.

³³ H a w k e s, Las relaciones..., стр. 190.

³⁴ M. Tarradell, El problema de Tartessos visto desde el lado meridional del Estrecho de Gibraltar, «Tartessos...», стр. 221—233.

³⁵ Cesar P e m á n, El problema actual de la arqueología gaditana, AEArc, 42, 1969, стр. 21.

³⁶ T a r r a d e l l, El problema de Tartessos..., стр. 226.

³⁷ H. Schubart y H. G. Niemeier, La factoria paleopúnica de Toscanos, «Tartessos...», стр. 218 сл.

³⁸ A. García y Bellido, Los Bronces tartésicos, «Tartessos...», стр. 163—173.

³⁹ M. Pellicer, Las primeras cerámicas a torno pintadas andaluzas, «Tartessos...», стр. 210; H. G. Niemeier, M. Pellicer y H. Schubart, Altpunische Funde von des Rio Algarrobo, MM, 5, 1964, стр. 73—90.

существования тартессийская керамика почти не отличалась от привозной, но уже для VIII в. до н. э., после основания финикийских факторий в Уэльве, Малаге, Торре дель Мар и Алмуэзкаре, можно говорить об изготовлении керамики на месте⁴⁰. Эта керамика была изготовлена на гончарном круге и украшена полихромной росписью. Начиная с VII в. до н. э. наблюдается ее проникновение в глубь бассейна Гвадалквивира в район Кармоны и Кордобы. В своем дальнейшем развитии, как полагает автор, она дает начало собственно иберийской керамике VI в. до н. э. (район Гвадалквивира, Серро де ла Тортуга и др.)⁴¹.

Тартесс был заветной мечтой археологов, соревновавшихся в попытках определить его местонахождение. Его искали на обширной территории от Туниса до Одера и даже на дне океана в еще более мифической Атлантиде. Последние археологические открытия ограничили сферу поисков территорией Нижнего Гвадалквивира. Здесь на острове Салтес был помещен Тартесс Ф. Ваттенбергом⁴². В этом же районе ищут его Сезар Пеман⁴³ и Антонио Аренас⁴⁴.

С. Пеман пытается установить местонахождение Тартесса, исходя из обычая размещать эмпории по Гвадалквивиру. Он считает, что город находился в районе современной Севильи, а его основной порт располагался в устье Гвадалквивира в гадитанской бухте. Главным подтверждением этой локализации служат, по мнению автора, наряду с указанием Псевдо-Скимна, находки в Эль-Карамболо⁴⁵.

А. Аренас полагает, что топографическое описание территории города Тартесса и его морских укреплений, данное периплом Авиена, совпадает с современным руслом реки Гвадалквивира в районе Сан Лукар де Баррамедра⁴⁶. Но ошибка Авиена, пытавшегося использовать указание древнейшего источника для локализации известного ему Гадеса и отождествившего Тартесс с Гадесом, дезориентировала поколение исследователей. Описание археологических памятников исследуемого района в статье А. Аренаса выполнено дилетантски. Впрочем, ав-

тор и не скрывает этого, говоря, «что если бы в этих местах можно было произвести раскопки со знанием дела, то были бы достигнуты ошеломляющие результаты»⁴⁷.

Археология подкрепила мнение А. Шультена об устье Гвадалквивира как о наиболее вероятном местоположении города Тартесса (раскопки в Эль-Карамболо). Но попытки более точной его локализации наталкиваются на отсутствие конкретных данных. Тартесс как город в определенных границах не найден. Споры о том, какие два из трех устьев Гвадалквивира омывают Тартесс, выглядят схоластическими.

Новейшие археологические открытия не ослабили интереса к античной традиции о Тартессе, сведения которой продолжают использоваться при решении ряда вопросов древнейшей истории Иберии. Критику сведений традиции посвящена содержательная статья Х. Бласкеса «Греческие и римские источники о Тартессе»⁴⁸. В центре внимания исследователя находится перипл, положенный Авиеном в основу своего сочинения «*Ita maritima*». В противовес А. Шультену, Бласкес считает, что автор перипла пользовался пунийскими, а не греческими источниками⁴⁹.

Сведения, сохраненные в античной традиции о Тартессе, Х. Бласкес группирует следующим образом: 1) данные о Тартессе-городе; 2) данные о Тартессе-горе; 3) данные о Тартессе-заливе; 4) данные о Тартессе-реке. Он приходит к определенным выводам о реальном существовании Тартесса как столицы (*urbs*) государства, занимавшего южную часть полуострова⁵⁰. Рассматривая взгляды разных ученых о местонахождении этой столицы, Х. Бласкес считает наиболее приемлемым мнение Х. Лусона⁵¹ о том, что она находилась в старом устье Гвадалквивира в районе Уэльвы.

В античной традиции Х. Бласкес выделяет сведения, характеризующие богатство Тартесса металлами, плодородие его земель и угодий⁵². Основание Гадеса он связывает с обоюдогодной для финикийцев и тартессиев (во всяком случае на раннем этапе) торговлей металлами и

⁴⁷ Там же, стр. 365.

⁴⁸ J. M. Blázquez, Fuentes griegas y romanas referentes a Tartessos, «Tartessos...», стр. 91—111.

⁴⁹ Там же, стр. 92. Подобная точка зрения высказана автором в другой его работе: J. M. Blázquez, Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente, Salamanca, 1968, стр. 13.

⁵⁰ Blázquez, Fuentes..., стр. 96.

⁵¹ J. M. Luzón, Tartessos y la ría de Huelva, «Zephyrus», XIII, 1962, стр. 97 сл.; Blázquez, Fuentes..., стр. 96—97.

⁵² Там же, стр. 98—100.

⁴⁰ Pellicer, Las primeras cerámicas..., стр. 304.

⁴¹ Там же, стр. 309 сл.

⁴² F. Wattenberg, Saltés, la isla de la Atlántida y Tartessos, «Hispania», 27, 1967, стр. 92.

⁴³ C. Pemán, La ubicación de Tartessos vista desde la Tartesside, «Tartessos...», стр. 233—241.

⁴⁴ A. Caruz Arenas, La localización de la ciudad de Tarteso, «Tartessos...», стр. 347—366.

⁴⁵ Pemán, La ubicación..., стр. 240.

⁴⁶ Arenas, La localización..., стр. 351.

продуктами сельского хозяйства. Более того, автор полагает, что тартессии не играли в торговле пассивную роль, так как имели собственную колонию на северном побережье Ливии (Магадор)⁵³.

Одна из главных трудностей, стоящих перед исследователями тартессийской культуры,—соотнесение сведений греческих авторов с конкретной археологической культурой полуострова. Если, в частности, признать историчность рассказа о законодателе Тартесса Габиде, то к какому времени отнести его деятельность?

В исследованиях М. Гомес-Морено⁵⁴, Х. Малукера⁵⁵ устанавливается тождество Тартесса греческих источников с мегалитической культурой бронзового века. Х. Бласкес тоже принимает эту идентификацию, хотя и не приводит каких-либо новых доводов в ее пользу⁵⁶.

Библейская традиция о Тартессе вызвала еще больше споров, чем греческая. В книге царей, книгах Исаяи и Езекиила упоминаются корабли Таршиша — страны, богатой металлами. В оценке этих сведений исследователями можно видеть всю амплитуду мнений от отрицания за ними всякого значения до полного отождествления библейского Таршиша с Тартессом греков. В последнее время ряд археологических подтверждений данных библейских источников обусловил преобладание в зарубежной науке умеренно критического направления в оценке Библии как исторического источника. В духе этого направления и написана статья шведского ученого У. Тэкхольма «Представление о Тартессе в Ветхом Завете и связанные с ним проблемы»⁵⁷. Автор прослеживает постепенное перенесение понятия «Тартесс» из района Красного моря, первым освоенного финикийскими мореходами, на Запад, ставший объектом финикийской колонизации на рубеже II—I тыс. до н. э. Не ставя знака равенства между древнейшим библейским Таршишем и греческим Тартессом, У. Тэкхольм полагает, что под «Таршишем» Библия понимала территории Западного Средиземноморья, славившиеся рудными богатствами, в том числе и Тартесс. Лишь после падения Тира «Таршиш» стал отождествляться с «Тартессом»⁵⁸.

Что касается вопроса о политической истории Тартесса, то здесь рассматривае-

мый материал по-прежнему ограничивается данными античных авторов. Относя Тартесс к числу древнейших средиземноморских монархий, Х. Малукер де Мотес поставил перед собой цель выиснить последовательность смены мифических и исторических династий Тартесса и историческое содержание мифов о древнейших тартессийских царях⁵⁹. По мнению исследователя, представляется возможным говорить о двух династиях тартессийских царей, точная преемственность которых остается неизвестной,—о династии Герниона и династии Гаргорриса⁶⁰.

Основываясь на данных Стесихора, автора «Героиониды», Х. Малукер воссоздает мифическую родословную первого тартессийского царя. В этой генеалогии он находит отражение некоторых черт, свойственных тартессийскому миру, таких, как богатство золотом, изобилие продукции сельского хозяйства, связь с Океаном. Легенду о трех головах Герниона (Hesiod., Theog. 287), не находящую, по мнению Х. Малукера, параллелей в мире греческой мифологии, исследователь толкует как результат непосредственных контактов тартессиев с кельтским миром, для которого весьма характерны трехголовые чудовища и боже-ства⁶¹. В то же самое время он находит сходство между образом Герниона, наделенного крыльями, и этрусскими демонами⁶².

Таким образом, автор продолжает рациональную критику мифа о Гернионе, родоначальником которой был еще Гекатей Милетский. Но в попытках найти реальную историческую основу мифа Х. Малукер заходит, на наш взгляд, слишком далеко. Ведь Гекатей, хорошо знавший Испанию и именно с нее начавший свои периплезы, не стал возможным искать царство Герниона на крайнем Западе и отнес его к северной части Пелопоннесского полуострова (fr. 349 Müller). Трехголовые чудовища, вопреки утверждению автора статьи, достаточно распространены в греческой мифологии (вспомним хотя бы Кербера), так что эта деталь слишком мало говорит о связях с кельтским миром, как и крылья на плечах Герниона еще не свидетельствуют о влиянии этрусской религии. Не доказано, что Стесихор был выходцем из Гимеры, но если это даже и так, то вряд ли место рождения поэта сказалось на характере изображения персонажей далекого За-

⁵³ Там же, стр. 103; A. J o d i n, Moga-dor, Tanger, 1966.

⁵⁴ M. G o m e z - M o r e n o, Adán y Prehistoria, Madrid, 1958, стр. 113.

⁵⁵ M a l u q u e r d e M o t e s, Nuevas orientaciones..., стр. 273.

⁵⁶ B l á z q u e z, Fuentes..., стр. 107, 247.

⁵⁷ U. T ä c k h o l m, El concepto de Tarschisch en el Antiguo Testamento y sus problemas, «Tartessos...», стр. 79—91.

⁵⁸ Там же, стр. 48—86.

⁵⁹ J. M a l u q u e r d e M o t e s, Tartessos y su historia, «Tartessos...», стр. 389—407.

⁶⁰ Там же, стр. 389—390.

⁶¹ Там же, стр. 391; R. G r a v e s, Theh Greek Myths, II, 1960, стр. 132—144.

⁶² M a l u q u e r d e M o t e s, Tartessos..., стр. 392.

пада. Возможно, оно обусловило лишь больший интерес к тартессийским легендам.

Дочь Герциона Эрифю, имя которой носит один из островов далекого Запада, и ее сына Норакса Х. Малукер связывает с колонизацией тартессийцами Сардинии, где возник город Нора⁶³. Однако никаких реальных данных о тартессийской колонизации нет. Сходство имени мифического Норакса и сардского города Нора, видимо, следует объяснять известным языковым сходством населения Сардинии и иберийской Испании.

Сведения о второй — младшей — династии тартессийских царей представляются Х. Малукеру более реальными. Вслед за Х. Каро Бароха он видит в Гаргорисе и Габиде культурных героев — зачателей земледелия, первых законодателей⁶⁴. Предлагаемое в статье толкование соответствующего места Юстина (XLIX, 4, 13) спорно. В латинском тексте мы находим: «Ab hoc et ministeria servilia populo interdicta et plebs in septem urbes divisa». Последние слова, согласно интерпретации Х. Малукера, означают, что народ был разделен на семь классовословий. Причем исследователь произвольно заменяет термин «urbes» на «ordines», поскольку термин этот наиболее часто встречается в начальных книгах Юстина⁶⁵.

Закон о запрещении выполнять рабские работы Х. Малукер распространяет только на знатных, хотя в тексте речь идет о народе вообще⁶⁶.

Потомки легендарной тартессийской династии Габиды правили в течение долгих веков. Один из них, Аргантоний, воспринимается как реальное историческое лицо. Х. Малукер характеризует его как мудрого миролюбивого царя, настроенного дружественно к грекам. Автор справедливо полагает, что такое отношение к грекам может быть объяснено только заинтересованностью тартессиев в установлении контактов, которые позволили бы уменьшить торговое засилье финикийцев и гарантировать государству самостоятельность экономического развития⁶⁷.

О других представителях исторической династии тартессийских царей данных нет. Наши сведения несомненно возрастут с дешифровкой тартессийского языка и письменности, но пока остаются неизвестными даже их характер и происхождение.

Большинство ученых (Х. Малукер, А. Товар, У. Шмоль, Х. де Ос) склонны

⁶³ Maluquer de Motes, Tartessos..., стр. 392—394.

⁶⁴ J. Caro Baroja, Los pueblos de España, Barcelona, 1950; Maluquer de Motes, Tartessos..., стр. 394.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 401.

⁶⁷ Там же.

принять гипотезу М. Гомес-Морено о буквенно-словоном характере письма, развившегося на местной основе, но под большим влиянием кипрского силлабария и финикийского алфавита⁶⁸. Только А. Шультен сближал тартессийское письмо с письмом лемносских надписей, близким этрусскому — иные точки зрения им отвергались как не отвечающие его гипотезе о тирсенах-этрусках — основателях Тартесса⁶⁹. Итоги современного состояния изучения языка и письма тартессиев подведены в докладе известного испанского лингвиста А. Товара, работающего в Тюбингенском университете⁷⁰. Он отмечает, что исследованиями М. Гомес-Морено и его учеников удалось установить значение большинства знаков⁷¹, однако это не приблизило ученых к пониманию тартессийских текстов, написанных на неизвестном языке. Исползование письма для надписей на надгробных стелах предполагает достаточно высокий уровень грамотности населения Тартессиды. Местное происхождение этого письма подтверждается тем обстоятельством, что оно, насколько можно судить, было незнакомо населению колонизованного финикийцами крайнего юга Иберийского полуострова, которое пользовалось и их письмом. Таким образом, даже столь незначительные знания о языке и письме тартессиев подтверждают известие Страбона, что тартессиды были древнейшими на территории Иберийского полуострова создателями письменности и носителями культуры.

Ряд статей сборника посвящен изучению тартессийской проблемы в науке нового времени. Следует прежде всего отметить отличающуюся четкой постановкой вопросов статью Х. Малукера де Мотеса «Введение в проблему Тартесса»⁷². Автор прослеживает вызванные археологическими раскопками последнего десятилетия изменения в отношении к античной традиции и намечает основные

⁶⁸ M. Gómez-Moreno, La escritura bastulo-turdetana (primitiva hispánica), RABM, 69, 1961, стр. 389; A. Tovar, Sobre las escrituras tartesia, libiofenicia y del Algarve, «Zephyrus», VI, 1955, стр. 78; U. Schöll, Die Süd-lusitanische Inschriften, Wiesbaden, 1961, стр. 63; J. de Hoz, Acerca de la historia de la escritura hispánica, AEARq, 42, 1969, стр. 190.

⁶⁹ А. Шультен, Тирсены в Испании, ВДИ, 1940, № 1, стр. 8—43.

⁷⁰ А. Товар, El oscuro problema de la lengua de los tartesios, «Tartessos...», стр. 341—347.

⁷¹ Там же, стр. 341 сл.

⁷² J. Maluquer de Motes, Introducción al problema de Tartessos, «Tartessos...», стр. 1—7.

задачи в изучении Тартесса и Тартессиды. На первое место он ставит комплексное использование литературных, эпиграфических и археологических источников и выработку единого критерия в подходе к ним; на второе место — задачу изучения экономической и социально-политической истории Тартесса и его хоры⁷³.

Обычно научную историографию Тартесса ведут от А. Шультена и его знаменитой работы «Tartessos»⁷⁴, которую характеризуют как «эпохальную». А. Шультен поддерживает эту иллюзию, не ссылаясь на своих испанских предшественников. А. Белтран ставит своей задачей восстановить историческую справедливость и выяснить вклад испанской историографии XVI—XX вв. в разработку тартессийской проблемы⁷⁵. Однако он рассматривает работы испанских историков в отрыве от общего развития науки, не выявляя то новое, что вносили они по сравнению со своими итальянскими и французскими коллегами⁷⁶. Не отмечено, что к древнейшей истории иберов и тартессиев первым обратился Анни из Витербо⁷⁷. Наконец, совершенно не выявлены те социальные и политические мотивы, которые заставляли С. де Саласара, М. д. Роа, Э. Рольона и других испанских антикваров давать истории Тартесса ту или иную трактовку. Одним словом, статья носит скорее библиографический, чем историографический характер.

Выгодно отличается от нее статья «Шультен и Тартесс» Л. Перикота, одного из старейших исследователей иберийской Испании. Автор с большей терпимостью, чем Х. Малукер, относится к

взглядам А. Шультена, полагая, что его концепция вполне соответствовала уровню археологических знаний в 20—30-е годы XX в. Отсутствие археологических свидетельств о древнейших финикийских поселениях в Испании вынудило А. Шультена отдать приоритет выходам из Малой Азии и связать Тартесс с тирсенами-этрусками. Впрочем, и Л. Перикот делает А. Шультену ряд упреков. Наиболее существен из них тот, что Шультен в конце своей жизни, когда появился материал, опровергающий его построения, не отказался от ошибочных взглядов. Автор считает также, что А. Шультен не был достаточно осведомлен в области языка и искусства, хотя использовал данные лингвистики и искусства с большой уверенностью⁷⁸.

Научная ценность помещенных в сборнике статей очень неодинакова. Наряду с глубоко фундированными статьями Х. Малукера, Х. Бласкеса, У. Тэкхольма, М. Тарраделя, В. Шюле имеются поверхностные, малооригинальные работы (например, статьи А. Белтрана и А. Арена). В некоторых статьях чувствуется чуждый подлинной науке оттенок национализма. В целом же сборник представляет очень серьезный вклад в исследование проблемы Тартесса.

Комплексное использование источников при современном методе ведения раскопок, как это можно судить по рецензируемому труду, уже принесло ощутимые результаты. Проблема тартессийской культуры ставится теперь совершенно иначе, чем 15 лет назад. Наряду с вопросами о происхождении тартессиев и локализации Тартесса изучаются металлургическое и керамическое производство, строительное дело, торговые связи, взаимоотношения с племенами внутренней территории Иберийского полуострова. Положительной чертой ряда статей сборника является попытка привлечь археологический материал для изучения социально-экономической истории Тартессиды.

В. И. Козловская

⁷³ Там же, стр. 5.

⁷⁴ A. Schulten, Tartessos, Hamburg — Berlin, 1922.

⁷⁵ A. Beltrán, Tartessos en la historiografía española anterior a Schulten, «Tartessos...», стр. 75.

⁷⁶ J. M^a. Blázquez, Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente, Salamanca, 1968, стр. 12—18.

⁷⁷ J. Fr. de Masdeu, Historia crítica de España, Madrid, 1784, стр. 38—39.

⁷⁸ J. Pericot, Schulten y Tartessos, «Tartessos...», стр. 73—75.